

АКАДЕМИЯ ИСКУССТВ

ИНТЕРВЬЮ

Ирина Погребницкая – Георг Стражнов

Жива ли классика сегодня?

Вот уже около двадцати лет в Риге существует художественная галерея Ирины Погребницкой, о которой знают лишь немногие. Мы встретились и поговорили с Ириной на эту тему.

Георг Стражнов: Ирина, ваша галерея, теперь она размещена в вашем доме, занимает особое место среди рижских галерей, – вы представляете искусство, которое принято называть «русским, классическим».

Ирина Погребницкая: Я закончила Петербургскую Академию художеств имени Репина, где еще продолжают хранить традиции классической живописи. Вся русская школа живописи выходит из классики европейской, русские учились на полотнах титанов Возрождения и греческих образцах. Так что, я считаю, мы хранители европейской классической традиции. Именно поэтому я не воспринимаю многое из того, что сегодня называют «искусством». Многие, что сегодня предлагается публике, искусством не является по определению. Если у художника неудачный рисунок, слабая композиция, он не чувствует цвет – о чём тут говорить?!

Если мы хотим послушать музыку в хорошем исполнении, мы идём на концерт Гидона Кремера, Дениса Мацуева, Мариса Янсона. Если говорим о театре с большой буквы, то идём на спектакли Марка Захарова, Юрия Любимова, Камы Гинкаса, если балет – то на Ульяну Лопаткину, Светлану Захарову, Диану Вишневу. Что отличает все эти имена? Прежде всего, талант и второе – кропотливый многолетний труд.

В изобразительном искусстве сегодня обесценено само понятие мастерства. Вы можете положить в формальдегид телёнка и продать это «произведение» за 20 миллионов, как это сделал Дэмьен Херст. Или вообще прислонить к стене швабру и назвать это концептуальным произведением. И найдётся толпа искусствоведов, которая с пеной у рта начнёт доказывать гениальность этих «произведений». И при чём тут, скажите, искусство? В основе его всегда, во все века стоял Мастер.

Г.С.: Так ты совсем не воспринимаешь современного искусства?

И.П.: Воспринимаю и люблю. У меня немало друзей-художников, которые работают в современных стилях. Но у всех у них за плечами стоит Школа, они все получили классическое образование в Академии и только после этого, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, начали поиски в области формы. Почитайте биографии великих авангардистов. Например, Анри Матисс получил сначала юридическое образование, потом бросил это и в 20 лет, прежде чем стать великим «фовистом», прошёл весь путь художника от школы до Парижской Академии. Теперь его полотна висят и в Эрмитаже, и Лувре наряду с Да Винчи, Тицианом и Рембрандтом.

Г.С.: В 1970-м мне очень повезло, я летом гостил у дяди-дипломата в Праге и, будучи любителем искусства, регулярно обследовал все галереи, а их тогда в Праге было

с добрый десяток. И во всех был выставлен исключительно авангард. Меня поразило то, что в них совершенно не было посетителей. Некоторые залы, помнится, даже отпирали специально для меня. Посещение было бесплатным, надо было лишь расписаться в книге посетителей. Так вот, моя подпись была где-то в самом начале третьей десятки. Т.е. человек двадцать друзей и родственников пришло на вернисаж, а дальше... зеро.

Помнится, поехал я под Прагу в замок «Нубока», где кроме музея, так же два выставочных зала. В первом была развернута выставка деревянной готической скульптуры – полнотуристов. В соседнем зале – пластмассовые инсталляции – «тишина и покойники». Люди заглядывали в дверь и тут же разворачивались, уходили. Они даже не хотели вникать в то, что там было выставлено.

И даже на прекрасную выставку графики Пикассо, Брака и скульптур Генри Лоуренса, на которую я пошёл по московской традиции за час до открытия, собралось семь (!) человек, я специально их пересчитал. Представь, какие бы очереди выстроились в Москве или Питере на неё даже сегодня! Час я сидел над Влтавой, ждал открытия Манежа, в котором проходила эта грандиозная по всем понятиям выставка. Интерес к модерну полностью пропал. И когда, по-вашему, завершилась великая «Эпоха Модерна»?

И.П.: Ну, во-первых, не забывайте, у чехов и других восточных европейцев не было этого тоталитарного перерыва, при котором естественное развитие искусства было остановлено более, чем на полвека. А в это время в Европе, оно развивалось естественным путём, проходя через все направления, и публика двигалась вместе с ним. Поэтому, я думаю, где-то как раз в 70-ые ХХ века, «Эпоха Модерна» благополучно завершилась, когда все великие модернисты – Пикассо, Шагал, Матисс, Леже, Дали ушли из жизни. Они всё сказали миру своим творчеством и закрыли тему. А в России только в 80-ые позволили некоторую вольницу, и художникам надо было в ускоренном порядке пройти всю ту историю, которую прошёл за это время мир – от абстракционизма до

концептуализма.

Итак, в 80-ые началась эпоха «постмодернизма», на сцену вышли шарлатаны, при мощной поддержке лукавых и алчных кураторов. Наступила, как я говорю, эпоха «голового короля». Сегодня главную роль играет вовсе не художник, а куратор. Именно он арендует выставочный зал, покупает рекламу и прессу – делает всё то, что теперь называют «раскруткой». Кто-то точно назвал наше время, «эпохой посредственностей». Время гигантов мысли, искусства, политики ушло с прошлым веком.

Когда-то еще Сальвадор Дали откровенно признался, что больше всего на свете он любит деньги, и что он удовлетворяет свою страсть при помощи кретинов, ничего не смыслящих в искусстве. Печально, но это продолжает работать и в наши дни. Вот, Татьяна Толстая написала как раз об этом так: «Люди любят новое – надо придумать новое, люди любят возмущаться – надо их возмутить, люди равнодушны – надо их эпатировать: подsunуть под нос вонючее, оскорбительное, коробящее». Какое раздолье в наше время для всякого рода посредственностей, не желающих учиться и трудиться!

Алексей Немакин «Юрмала-2»
(150x200) х/масло.

Г.С.: Кстати, после закрытия вашей изысканной галереи в «Редиссоне», почему вы до сих пор не открыли галереи где-то еще?

И.П.: Для подобной живописи должны

быть очень «специальные» помещения. Не хотелось бы экспонироваться абы где. Летом мы едва не открылись в одном отеле, но там поменялась администрация, и увы... Классика требует от человека хотя бы минимальной культуры, знаний, а не просто восторгов. Да, для нас очень важен вопрос – *Где*.

Г.С.: В подобном случае маркетологи говорят – место, место и еще раз место. Правильное место – залог успеха. Но, тогда вопрос, как же вас находят клиенты?

И.П.: Существует такой старый, проверенный способ – «из рук в руки». Как мы находим своих дантистов, своих портных, своих врачей, фотографов, парикмахеров? Есть вещи – очень личные, в которых человек не хочет быть «как все». Поэтому я имею дело не «со всеми», а лишь с людьми, глубоко чувствующими, пытающимися изучать искусство. В своей блестящей статье «Тухлое искусство» кинорежиссёр Андрон Кончаловский написал: «Третий признак истинного произведения искусства – сообщение чувства прекрасного. Благодаря искусству мы способны увидеть Красоту. Человек всегда был восприимчив к красоте природы, звуков, образов... В творчестве большого художника обязательно присутствует некая высокая идеальная цель». Искусство всегда обращено к сердцу человека, оно должно возвышать и радовать его. И, заметьте, искусство «постмодерна» абсолютно холодно, оно направлено к уму, но не к сердцу человека. И тогда, спрашивается, почему эти «объекты» не называть просто дизайном или декорами?

Г.С.: Ну, так уж сразу и к сердцу! Статистика показывает – инвестиции в искусство – одни из наиболее эффективных в мире, идут сразу после углеводородов.

И.П.: Я знаю. Но все-таки мне приятней думать, что мои клиенты – это люди с душой. Их не купить «глубокой философией на мелкой воде», они хотят видеть мастерство.

Г.С.: Да, но кураторы ему, инвестору,

сегодня говорят, что вот окаменевший кал в унитазах – это и есть новое слово в искусстве. Поэтому он стоит миллионы.

Сергей Архипов «Посвящение голландцам»,
(70x90) холст, масло.

И.П.: С унитазами вообще анекдот: впервые писсуар выставил еще сто(!) лет назад Марсель Дюшан, в 1917 году, назвав его «Фонтаном». Был скандал, естественно. На то и рассчитывалось. Дюшан вошёл в историю искусства, хотя писсуар-то сделан не им, а просто – заводской. Но, до чего ж надо быть тёмными, не знать истории искусства, чтобы с какой-то маниакальной регулярностью выставлять на арт-мессах очередные унитазаы!

Г.С.: С самого открытия Петербургской Академии искусств в 1757 году большое внимание уделялось копированию студентами работ мастеров живописи. Более того, в дофотографическую эпоху дарение картин было привилегией знати и королевских дворов. Тогда к этой работе привлекались лучшие художники своего времени, и это было обычной практикой. Вот и в твоей коллекции значительное место занимают великолепные копии с известных картин. Это что, действительно, пользуется спросом по сей день?

И.П.: Естественно. Наша петербургская школа художественной копиистики и реставрации считается одной из сильнейших в мире. Да и где сегодня коллекционеру купить

Брейгеля, Рембранта, Тициана или Мурильо? И сколько это будет стоить у, допустим, «Кристи»? Поэтому есть художники, которые специализируются на копиях. Причём, кто-то копирует только Брейгеля, кто-то только Леонардо, кто-то цветы Яна де Хема. Они подробно изучают старых мастеров, их манеру письма, их краски, грунты, основу, на которых те писали. Напомню, что копия по формату обязательно должна отличаться от подлинника. Хоть чуть-чуть – таков закон.

Дмитрий Найда «Под парусами»
(40x50) х/масло.

Г.С.: А сколько времени занимает написание копии?

И.П.: Ну, это всё очень по-разному. Обычно, от двух месяцев. Самой большой, 2x4 метра, у меня была копия со знаменитой картины Генриха Семирадского «Фрина на празднике Посейдона», она в Русском музее, ее размер 8x4 метра. Художник писал копию год. Она ровно в два раза меньше оригинала, но тоже, как вы

понимаете, очень внушительная. Я возила её «собственноручно» клиенту в Монреаль.

Г.С.: Я помню её в твоей галерее в «Редиссоне». Шикарная работа! Просто не возможно было оторвать глаз от этого чуда. И кто те художники, кто делает для тебя эти копии?

И.П.: Это, естественно, мои бывшие коллеги по Академии. Почти все они сейчас уже сами профессора. Правда, вы не найдёте их сайтов в интернете, они не устраивают персональных выставок – всё это для них уже пройденный этап. Когда твои работы есть и в коллекции Королевы Елизаветы английской, в музеях Европы, Америки и Китая, когда ты выставялся в престижной Colnaghi Gallery, которая существует в Лондоне, на Бонд стрит с 1760 года, – там выставяют далеко не всякого, – вот тогда ты совершенно свободен, ты можешь отдаться полностью своему призванию.

Г.С.: А какие жанры еще, кроме копий, пользуются спросом?

И.П.: Практически все классические жанры – марины, натюрморты, портреты. Всё, что прекрасно живёт в интерьере. В последнее время особенно востребованы портреты детей. При всём том, что сейчас у каждого из нас миллион фотографий, только у живописного портрета совершенно иной семейный статус. Его вешают на стену, его передают по наследству вместе с семейной историей. И тогда портрет становится еще и историческим свидетельством эпохи.

Море

Парусная регата

Ангел

Цветы

Натюрморт. Цветы.

Яблоки и груши

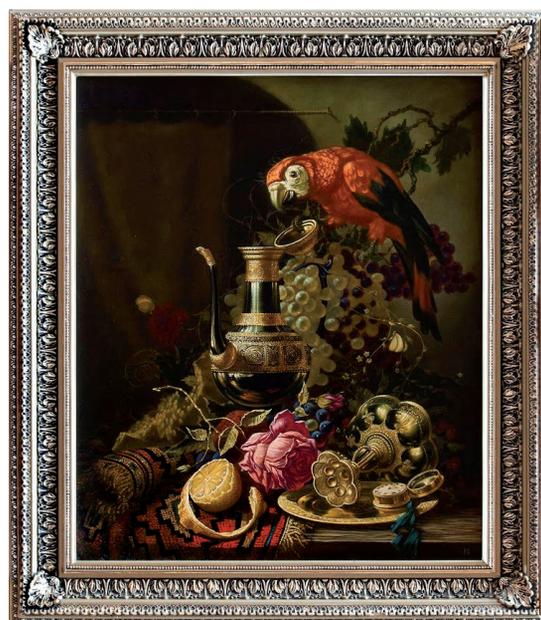
Древний Кремль

Зима в Ярославле

Сирень

Восток